

УДК 070.11:94(477.75) «1853/1856»

ВОЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ Н. В. БЕРГА В ЖУРНАЛЕ «МОСКВИТЯНИН» (1855 г.)

Первых Д. К., Первых В. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: dianavasileva@yandex.ru*

Статья посвящена анализу публицистических материалов (писем с полей Крымской войны) военного корреспондента журнала «Москвитянин» штабного офицера Н. В. Берга. Письма рассматриваются с точки зрения их жанрового своеобразия; анализируются приемы, языковые особенности и творческие решения военного журналиста, принципы, которыми он руководствовался при отборе материалов. Изучение публицистики Н. В. Берга позволяет сделать вывод о новаторских приемах редакторской работы издателя журнала «Москвитянин» М. П. Погодина.

Ключевые слова: военная корреспонденция, Крымская война, журнал «Москвитянин», Н. В. Берг.

ВВЕДЕНИЕ

История зарождения жанра «военной корреспонденции» в годы Крымской войны, его развитие в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Гражданской войны не становились предметом специального исследования историков журналистики. Однако многие приемы, характерные для более ранней журналистики, активно применялись и усовершенствовались в художественно-документальной «литературе очевидца» в период и после Великой Отечественной войны, многие из них используются и сегодня. Возникновение жанра «военной корреспонденции» оставляет широкое поле для современного научного осмысления.

Предметом анализа нашей статьи выбраны письма участника Крымской войны штабного офицера Н. В. Берга к редактору журнала «Москвитянин», историку М. П. Погодину. Опубликованные в 1855 г. письма представляют собой новую в то время форму журналистского творчества, соединившую в себе несколько жанров: репортаж, заметку, зарисовку, бюллетень, дневник, отчет и путевой очерк, но при этом объединенных формой личной переписки автора и издателя.

Таким образом, **целью** статьи является анализ эпистолярной публицистики Н. В. Берга. В задачи исследования входит определение использованных Н. В. Бергом методов и приемов, изучение жанровых, языковых и стилевых характеристик его публицистики, созданной во время обороны Севастополя.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Николай Васильевич Берг известен как автор «Записок об осаде Севастополя» (М., 1858), переводчик «Песен разных народов» (СПб., 1854) и художник батальных сцен, представленных в «Севастопольском альбоме» (М., 1858). В начале Крымской войны Н. В. Берг служил переводчиком в штабе южной армии на Дунае, затем перебрался в осажденный Севастополь. Славянофил по убеждениям, Н. В. Берг сотрудничал с журналом «Москвитянин», но после его закрытия перешел в «Современник», где в 1856 г. опубликовал путевой очерк «Из крымских заметок», посвященный, однако, уже не событиям войны, а описаниям послевоенной крымской ситуации.

Письма Берга в «Москвитянин» являются примером новаторства и апробации жанра военной профессиональной корреспонденции, где каждое письмо представляет законченную композицию. Можно предположить, что такую форму публикации предложил Бергу редактор «Москвитянина», опытный издатель М. П. Погодин: форма письма позволяла сократить время подготовки материала и не требовала литературного осмысления. «Жанровое осмысление» своих публикаций предпринимает сам Н. В. Берг, по-разному их называя: «письма», «тетрадь воспоминаний», «заметки», «статьи», и в одном из писем поясняет: «Писал я свои заметки для вашего (М. П. Погодина – Д. П.) кабинета и для друзей. Тут все. Что можно, выберите для печати» [2, т. 85, с. 42].

«Выберите для печати» – это, безусловно, журналистский прием, поскольку Берг хорошо понимал, что письма его будут публиковаться со строгой периодичностью из номера в номер и станут программными материалами, востребованными читателем. М. П. Погодин же публиковал письма практически без сокращений и без редактирования, но неизменно оставляя в начале каждой публикации отточие, тем самым имитируя сокращение. На самом деле, сокращено лишь личное приветствие. Такая подача материалов вносит элемент непосредственности и подлинности, а, значит, предоставляется читателю вполне достоверным.

«Москвитянин» – не первое издание, обратившееся к подобному жанру в период Крымской войны. В июне 1855 г. журнал «Современник» в разделе «Внутренние известия» опубликовал письма из Крыма очевидцев Крымской кампании и сестер милосердия Крестовоздвиженской общины [3, т. 52, с. 126–154]. Однако эти материалы не были объединены единым авторским сознанием и воспринимались как разрозненные факты, разными путями дошедшие до редакции.

Такой жанр «письма в редакцию» (на самом деле, это письма, переданные в редакцию родственниками, друзьями написавших) в качестве журналистской тактики использовала и западная пресса. Вера Сергеевна Аксакова, дочь русского писателя С. Т. Аксакова, записала в дневнике: «Английские и французские газеты широко публиковали частные письма из Севастополя, но сторонники войны восставали против этого, взывая к *patriotism de discretion*» («патриотической сдержанности» – с фр. яз) [1, с. 88].

«Письмо в редакцию» имеет свое преимущество, поскольку воспринимается как несомненно подлинное и «адресованное» непосредственно читателю. В этом

плане авторская публицистика предполагает «опосредованное» читательское восприятие: все события видятся читателю «сквозь призму» авторского сознания и чувств. Чтобы не утратился характерный для «письма в редакцию» эффект подлинности, следовало, очевидно, соединить возможности авторской публицистики и «письма в редакцию». Так, на наш взгляд, формулировалась идея «эпистолярных корреспонденций» Н. В. Берга, и на это «работали» все приемы, талантливо примененные автором и издателем.

Письма объединены в циклы, каждый из которых имеет свое название: «Севастопольские письма», «Письма из Севастополя и Бахчисарая», «Крымские письма». Это объемные материалы, подробно рассказывающие о положении русской армии и армии противника в Севастополе, сражениях, военном быте и обогащенные, между тем, этнографическими записками о Крыме, его жителях, их обычаях, нравах. Долговременное пребывание Берга в армии и на поле боя придает его корреспонденциям ценность документальных свидетельств об исторических лицах, с которыми автор встречался, о реальных участниках военных событий – от маршала до рядового.

Письма Берга написаны от первого лица, сам автор сознательно делает себя героем своего рассказа. Такая позиция публициста закономерна еще для двух жанров журналистики – «репортажа» и «путешествия», где автор выполняет не «вспомогательную» роль (видел, наблюдал, комментировал), а является участником происходящего. То и дело встречаем у Берга: «я бываю там», «я явился», «я слышал», «я выскочил», «я бросился на ковер», «мы поехали по горе», «я спросил», «я стал глядеть» и т. д. Берг в каждом эпизоде неоспоримо подтверждает свое присутствие, в деталях передавая свои эмоции, переживания, как бы нарочно акцентируя на себе читательское внимание. Автору следовало бы, наверное, учитывать особенность военной ситуации, когда авторская доминанта диссонирует с трагизмом исторического момента. Однако не стоит предъявлять к публицистике Берга традиционных требований жанра, учитывая сроки написания и помня, что «изобретать» жанр ему приходилось «на ходу». Между тем, утверждать, что публикации Берга являются репортажем в чистом виде, было бы неверно. В них практически отсутствует повествование в настоящем времени – признак классического репортажа. В то же время, задача репортера состоит, прежде всего, в том, чтобы дать аудитории возможность увидеть описываемое событие глазами очевидца (репортера), т. е. создать «эффект присутствия», передать динамику событий. С другими жанрами (особенно художественно-публицистическими) репортаж роднит использование метода наглядного изображения действительности. Однако в репортаже наглядность несет информативную задачу, функцию сообщения, а, скажем, в очерке наглядное отображение перерастает в обобщение и типизацию. Жанр «путешествия» в таком случае, несомненно, оставляет для автора гораздо больше «допусков», но специфика военной корреспонденции не должна отодвигать факты на второй план. Берг попытался объединить элементы информационных жанров с художественно-публицистическими, включая в текст зарисовки (например, о перемирии и братаниях неприятелей во время сбора раненых [2, т. 86, с. 25]) и даже поэзию:

*«Не сбылися предсказания
Перебежчиков-плутов:
Нет еще брендиования
С неприятельских валов <...>» [2, т. 86, с. 71–72].*

«Вот вам рифмы, и довольно курьезные. Они пришли ко мне сегодня на заре, когда я собирался в лагерь; в лагере я их записал. И так у нас тихо, т. е. перестрелка обыкновенная», – пишет Берг, явно осознавая ценность первых стихотворных строк на тему развернувшейся войны [2, т. 86, с. 72].

Письма сюжетно сложны, но не подчинены единой композиции, и это вполне оправдано, если помнить, что Берг записывает непосредственно после события или во время него, поэтому невозможно продумать и запланировать композицию. Такая непосредственность не только не в ущерб читательскому вниманию, но создает дополнительно эффект «присутствия». Стремительное течение и смена событий и обстоятельств «формируют» объем перерабатываемого материала, а значит и объем писем Берга. Объем писем не постоянный, количество страниц варьируется от одной до десяти и зависит от значимости и масштаба описываемого.

При этом письмо может включать в себя не только отображение различных военных ситуаций, но и пейзажные зарисовки, описания встреч, портретов, бесед и т. д., т. е. «внутри» эпистолярно-публицистического жанра используются композиционно-стилистические формы различных журнально-публицистических жанров. Достаточно проследить за жанрово-стилевыми «подвижками» в одном лишь письме – от 28 октября 1855 г. Открывается оно зарисовкой: «В Чуфут-Кале я был еще два раза <...>. Эти подземелья были, кажется, тюрьмами у первых обитателей Чуфут-Кале <...>. Одиннадцать ступеней ведут в первую, почти квадратную комнату, имеющую 9 шагов в длину и 7 в ширину. Посредине оставлен столб из того же камня и на нем, внизу, видны четыре ушка, также каменные, к которым, надо полагать, привязывали преступников...» [2, т. 88, с. 111].

Продолжается письмо «репортажем с места событий»: «Государь приехал сегодня во втором часу. Замечательное обстоятельство: тотчас после того, как Он из церкви прошел в дом, назначенный для Его помещения, – над этим домом явилось 22 орла, которые кружили долго и потом полетели по направлению к Евпатории. <...> Государь ездил на Качу и вечером воротился в Бахчисарай. В городе была иллюминация из разноцветных фонарей и плашек. <...> По городу носятся каски, веют солданы и блещут эполеты, давно нами не виданные» [2, т. 88, с. 118–119].

А последний абзац письма и по содержанию, и по стилю напоминает бытовое письмо: «Бесят меня цены на фрукты, возвышающиеся с каждым днем. Груши дошли до 25 коп. сер. фунт – это всего три или четыре груши. Виноград дошел до 12 коп. ф., виноград, который провозится возами и которым запружены подмости фруктовых лавок. Но это предсмертные цены – увы! <...>» [2, т. 88, с. 119].

Синтез жанров удобен автору, не требуя придерживаться строгости определенного стиля и существенно расширяя художественные возможности. В то же время эти разные по жанру отрывки можно выделить в независимые публикации

и, более того, опубликовать отдельно от основного текста. Например, в письме от 26 мая 1855 г. из Севастополя находим абзац, который мог бы существовать как полноценный репортаж с места событий: «Сейчас (я пишу на фрегате) выходил смотреть на ракеты, которыя стали подыматься из трех точек вдруг, на город. Пущено уже до сорока. <...> Смотри на ракеты, я не мог не полюбоваться на действие нашего 10 номера, который громит Херсонес. У них устроена батарея в печке, где прежде обжигали известь. <...> Наши подбили у них все орудия – осталось только одно. 10-му номеру помогает также Константиновская (батарея – Д. П.), стреляющая через бухту (1300 сажен) и также очень удачно. Вообще артиллерия у нас опередила все» [2, т. 85, с. 53].

В июне из Севастополя в Москву Берг отправил очень короткое письмо, по форме и содержанию напоминающее статистический отчет или бюллетень с точными сухими данными и большим количеством цифр. Приведем отрывок:

«Потери у неприятеля в дни штурма 6 и 7 (июня 1855 г. – Д. П.) считают до 12 тысяч. Одних офицеров у французов до 200 слишком и 3 генерала, а у англичан 36 офицеров и 2 генерала.

Англичане строят нам куры. Очень заметно, что французы их прижали, и господство их англичанам не по сердцу. К нам пришли 3 дивизии (48 тыс.), еще ждем 2 дивизии и 26 тыс. ополчения. Это оживило. Еще подвезли снарядов: ядер и бомб. – Тихо; почти не стреляют. В день бомб 500 – 1000.

Тотлебену лучше. Шварцу тоже. Он ранен в ухо камнем. Говорят, он должен ехать в отпуск. Этот человек до сих пор был решительно заговоренный с его редутотом от пуль и бомб. Все удивлялись постоянно, как он и редут его уцелели <...>» [2, т. 85, с. 63].

Информационный отчет оживляют просторечные стилистические находки, и читатель легко увидит разницу с официальными отчетами, публиковавшимися «Морским сборником», специальным военным изданием: «англичане строят нам куры», «французы их прижали», «решительно заговоренный с его редутотом».

Между тем, у читателя корреспонденций Берга складывается устойчивое впечатление, будто не автор является участником происходящего, а, напротив, события «вращаются» вокруг него. Происходит это, по-видимому, потому, что, поэт и художник по натуре, Берг не сразу сумел оторваться от традиции «путешествия» или «путевого очерка».

Приведем пример, когда во фрегат «Коварна», где жил Берг, попала бомба, разыгрался «невиданный пожар». Гибель корабля в условиях войны – потеря для армии огромная, для моряков – трагедия почти личная. Однако чувства Н. В. Берга в этот момент несколько обескураживают: «В две минуты загорелся фрегат весь, кругом. Вышедши на берег, я не мог смотреть на гибель моего гнезда, в котором столько прожил и которое сделалось мне совершенно родным. <...> **Все** (выделено нами – Д. П.) **сбежались ко мне**, кто предлагал белье, кто теплое платье, кто звал ночевать. Но что меня особенно обрадовало – первый вопрос **всех** был: уцелели ли мои записки? – Один офицер остановил меня на дороге **ночью**, в совершенных потьмах, и спросил: «**Это, кажется, вы, Б.? Целы ли ваши записки?**» – Но, увы, я должен был отвечать отрицательно. Все сгорело: рисунки, записки» [2, т. 87, с. 133–

134]. После этой цитаты добавим, что штабной офицер Берг не остановился более на описании битвы, зато предпочел во всех подробностях передать личные переживания и подчеркнуть, что все, находящиеся в Севастополе, знают его как писателя, сочувствуют, заботятся о судьбе его литературных трудов.

Мы остановились сейчас на некоторых «просчетах» Н. В. Берга, чтобы констатировать неперемное требование к военной публицистике: фактологическая доминанта. В сущности, фактологическая база у Берга велика, но расширяется она за счет общего объема его писем. Включая в свой авторский материал солдатские рассказы, Берг создавал конструкцию «рассказ в рассказе». Этот журналистский прием придает публикации панорамность и существенно расширяет фактологическую наполняемость публикации. В письме от 28 июля находим восемь таких рассказов, каждый из которых может быть напечатан отдельной заметкой. Для убедительности приведем один из них:

«Вот еще происшествие на том же 6-м бастионе. Солдатам и матросам, работающими за валом, строго запрещено возвращаться на бастион через амбразуры, но они все-таки это делают. Однажды ночью солдат, работавший во рву, вздумал воротиться на бастион этим сокращенным способом. Часовой, стоявший в амбразуре, окликнул: «кто идет»? И после троекратного оклика, не получая ответа, махнул штыком; к счастью, тот увернулся, и штык только оцарапал ему ребро. «Сенька, что ты делаешь! Это я! Мы с тобой одной роты!» – закричал раненый. – Что ж ты не отзываешься! – отвечал часовой Сенька: ты, по крайности, отзовись! – «Да я тебя узнал; думал, что и ты меня узнал, что я свой!» – Дал бы я тебе своего! – отвечал Сенька, и тем дело кончилось» [2, т. 86, с. 7].

Жанровое разнообразие публикации Берга, как видим, отразилось и на языковом стиле автора. Чтобы письма были доступны всякому читателю и убедительны для всякого читателя, журналист нередко избирает разговорную манеру, чем и облегчает восприятие порою сложного исторического материала. Для этого Берг использует, по большей части, простые предложения, избегая сложноподчиненных конструкций. При этом колорит солдатского просторечья Берг не сохраняет. В письмах редко встречается намеренное употребление автором двух существительных, оставленных в первоначальном, «солдатском» варианте: «бонба» и «бондировка».

Особенность и информационная ценность публикаций Берга – сиюминутность описания, когда читатель наблюдает войну в динамике событий: бои, перемирия, отдых, прогулки, знакомства и т. д. Большую убедительность придают реальные «действующие» лица его корреспонденций: исторические (генералы Хрулев, Семякин, адмирал Нахимов, Лидерс, Остен-Сакен, вице-адмирал Новосильский, генерал-адъютант Тотлебен), рядовые солдаты (матросы Зелинский, Рылеев, Бадюк, рядовой Матвей Щелкунов, Тимофей Пищенко), медсестра Прасковья Ивановна Графова, старшина базара на Северной стороне Севастополя, бывший содержатель Одесской гостиницы Александр Иванович Алаторцев, архимандрит Геронтий, священники (Иоанникий, отец Анастасий) и др. Их портреты не выдуманные, «с натуры», и это придает публикации особую изюминку.

Например, описывая медсестру Прасковью Ивановну Графову, Берг сознательно уходит от поэтизации, как и Л. Н. Толстой в «Севастопольских рассказах», утверждавший, что война – тяжелый, грязный труд. Потому героическое не приукрашено; Берг «видит» медсестру так, как в действительности видят ее солдаты. «Правда жизни» торжествует над искусственной поэтизацией, но от этого гораздо выпуклее видится подлинная героика:

«Толстая, здоровая баба, лет сорока, неглупая, но имевшая обыкновение прикидываться душой и душой несносной. <...> В приступ с 5 на 6 (июля. – Д. П.) она перевязала собственными своими руками 183 человека, на Пересыпке, под неприятельскими выстрелами. И постоянно всякой день бывала под огнем, ходя смело по батареям и ободряя солдат и матросов. Ея поговорка была: будь весел! – Когда ранили Нахимова, она перевязала и его. Во время похорон его шла под руку, с двумя из наших генералов, говоря им *ты*. <...> Третьяго дни убило Прасковью Ивановну бомбой. Бомба упала между ею и матросом. Матрос успел прилечь и кричал ей: «ложись!», но она оторопела, а может и не слишком спешила по странному своему характеру – как вдруг бомба разрешилась и оторвала у ней голову, ногу и руку. Главнокомандующий приказал написать об ней статью» [2, т. 86, с. 8–9].

Для редактора Погодина сотрудничество с Бергом было чрезвычайно выгодным. Офицер Берг был лично знаком с командным составом, вхож в их семьи и мог описать эти встречи, что, например, не удалось бы обычному корреспонденту. Бытовая сценичность его корреспонденций, относящаяся не только к солдатской жизни, но и к жизни известных всей России офицеров, несомненно, повышала интерес самой разнородной читающей публики. Журналисту всегда следовало учитывать социальный состав читателя и разнообразие социальных интересов. Так, Берг описывает празднование Пасхи:

«Светлый праздник я встречал торжественно: у командующаго Южною армиею (Лидерса). Он после обедни принимал всех чиновников штаба и других, даже частных лиц. Лидерс – барин, любит все это делать на широкую руку, и притом в воздухе носится к нему любовь и расположение. <...> Судите же, сколько к нему наскakало, и все это в блестящих мундирах; одних генералов – ползалы битком. Были без траура. И тут же разгавливались; он с дочерью (семнадцатилетней красавицей) угощал всех как хозяин <...>» [2, т. 85, с. 43–44].

Берг очень точно уловил потребности читательской аудитории: знать о войне не только по сухим сводкам, а из личных историй участников войны. «Людам интересно читать о людях», – этому правилу следуют и современные журналисты. Показательна история 10-тилетнего Николая Пищенко, отец которого, матрос 37-го экипажа, погиб, и мальчик остался на батарее. Однажды он забежал на Шварцов редут и был впечатлен мортирами: «Явясь к командиру Шварцовой батареи, <...> просил у него позволения стрелять из маленьких мортир. Командир батареи дал ему выстрелить из одной мортиры, и потом, найдя, что он очень ловок и расторопен, отдал в его распоряжение все 9 мортир под надзором старого матроса. Матрос был убит 9 июля, и тех пор доныне мальчик управляет один этими мортирами. <...> Я снял с него портрет во весь рост, и в следующий раз пришлю вам. Как жаль, что все

это пропадает так, что у нас нет иллюстраций». И далее: «Мне сказали, что «на 2-м N (номере. – Д. П.) есть также мальчик, уже награжденный медалью за храбрость. Я постараюсь разузнать и об нем» [2, т. 86, с. 73]. Как видим, Берг планировал публикации, согласовывая их с издателем, и следил за выходом других изданий. «Французы помещают всякий вздор, всякую безделицу. Художественный листок наш теперь печатает Силистрийские виды!» – с осуждением констатировал корреспондент Н. В. Берг. Несомненно, и Берг, и издатель Погодин отлично понимали преимущество документальной информации, потому М. П. Погодин, не редактируя, публиковал письма Берга.

В то же время в одном из писем нам встретился любопытный редакторский прием. Берг, якобы невзначай упрекнул Погодина, что тот не отредактировал его письма и опубликовал «слишком личную» историю: «В письмах моих есть совершенно лишняя неудобные вещи, которых не желал бы видеть в печати, мало ли что я к вам пишу». На что Погодин, повторюсь, будучи опытным издателем, ответил в сноске: «Я оставлял их с намерением, чтоб читатели удостоверились еще более, посредством их, в искренности, безыскусственности писем и отсутствии всяких задних мыслей: авторское самолюбие, верно, согласится принести в жертву мой любезной корреспондент для такой цели. – Севастополь так нам дорог, что всякая малейшая черта о нем драгоценна. Я получил множество благодарностей за сообщение писем, – а для строгих литературных судей повторяю здесь объяснение, почему печатаю письма без всяких изменений и исключений. М. П.» [2, т. 88, с. 115]. Нет сомнений, «диалог» автора и издателя появился вовсе не случайно, это был очередной журналистский прием.

ВЫВОДЫ

Избранный Н. В. Бергом эпистолярно-публицистический жанр соединил в себе опыт существовавших ранее литературных жанров (пейзажный этюд, путевой очерк, зарисовку) и новаторство в разработке собственно журналистских информационных и художественно-публицистических жанров: репортаж, статистический отчет, бюллетень, «письмо в редакцию» и др. Это была авторская апробация форм публицистики, которые в дальнейшем развились в устойчивые жанры, используемые профессиональной журналистикой, в том числе и военной. Методы и приемы работы военного корреспондента Н. В. Берга, принцип отбора материала, логика подачи военных текстов позволяют говорить о нем как о родоначальнике военной публицистики и основоположнике новых форм журналистики.

Публикации Н. В. Берга дают нам возможность оценивать редакторскую работу издателя «Москвитянина» М. П. Погодина, сделавшему акцент на документальности военной публицистики, в основу которой легли частные случаи из жизни защитников Севастополя. При этом следует помнить, что Н. В. Берг – поэт, писатель и художник. Поэтому задача художественного «опосредования» в его материалах нередко доминирует над задачей фактографической точности описания.

Традиционный для литературы жанр путевого очерка у Н. В. Берга соединяет или даже преобладает над другими собственно журналистскими жанрами. Впоследствии синтез информационных жанров с художественно-публицистическими помог Н. В. Бергу в создании путевого очерка «Крымские заметки», посвященного событиям в послевоенном Крыму («Современник», 1856 г. [3, т. 58, с. 131–202]), а после и отдельной книги «Записки об осаде Севастополя» (М., 1858).

Список литературы

1. Аксакова В. С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой / В. С. Аксакова. – СПб. : Огни, 1913. – 174 с.
2. Москвитянин // Москвитянин. Учено-литературный журнал. – М. : Университетская типография, 1855. – Т. 85–88.
3. Современник // Современник. Литературно-политический журнал / И. Панаев, Н. Некрасов // – СПб. : 1856. – Т. 52, 58.

MILITARY CORRESPONDENCE N. V. BERG IN THE JOURNAL "MOSKVITYANIN" (1855)

Pervykh D. K., Pervykh V.V.

The article is devoted to the analysis of journalistic materials (letters from the fields of the Crimean war) war correspondent of the journal "Moskvityanin" staff officer N. V. Berg. The letters are considered from the point of view of their genre identity, examines the techniques, language features and creative solutions military journalist, the principles by which he was guided in the selection of materials. The study of journalism N. V. Berg allows to make a conclusion about the level of editorial work and the professionalism of the publisher of the journal "Moskvityanin" M. P. Pogodin.

Keywords: military correspondence, the Crimean War, the magazine «Moskvityanin», N. V. Berg.